

ЛИЧНОСТЬ

Игорь РОГОВСКИХ

«ТАК УЖ ВОСПИТАН РОДИТЕЛЯМИ И ШКОЛОЙ...»

Сергей Николаевич ВАНЬШИН — фигура во Всероссийском обществе слепых более чем заметная, многим известная. Не скрою, мне давно хотелось поближе пообщаться с этим разносторонне одарённым человеком, и далеко не только на профессиональные темы. В декабре 2024 года такая возможность представилась. И вот я в уютном кабинете руководителя института «Реакомп» по адресу, который, пожалуй, известен всей восовской России: Протопоповский переулок, дом 9, строение 1. А поводом для нашей встречи послужил... Хотя об этом всё-таки будет лучше сказать в финале материала.

— Вы родились в Будапеште. Этот факт сразу привлекает внимание.

— Это довольно занятная история и не совсем обычная для тех времён. Чаще всего, тогда как бывало? Если человек, скажем, длительное время находился в оккупации, с родителями какие-то вопросы, то всё... Выезд за границу ему был закрыт. Родня по маминой линии у меня из под Докучаевска, из села Новоигнатьевка. Это рядом с Мариуполем. Дедушка вообще никогда не состоял в партии. Даже был мобилизован какое-то время и находился в рядах Белой гвардии, по-моему, в 1919 году. Несмотря на это, в тридцатые его неоднократно избирали

председателем сельсовета. Но в какой-то момент всплыла история, что он якобы застолбничал с местным батюшкой. После этого дорога в председатели ему была закрыта. В 37-м он боялся, прятался в балке, но из нашего села, как бабушка рассказывала, забрали всего двух человек. А во время Великой Отечественной войны эти территории в течение почти двух лет, с октября 1941-го по сентябрь 1943-го, были оккупированы фашистами. И, тем не менее, маму после окончания Ворошиловградского пединститута направили на работу в Венгрию. Папу командировали туда после окончания военного училища. Там они и встретились. В 1953 году поженились, в 1955 году родился я, а в 1956 году нам пришлось уехать. Начался мятеж, и семьи военнослужащих оттуда эвакуировали. Папа рассказывал, что приезжал Анастас Иванович Микоян и беседовал, в том числе лично с ним. Папа тоже ходатайствовал, чтобы семьи эвакуировали. Он тогда был старшим лейтенантом, командиром звена реактивных бомбардировщиков. В результате организовали вылет на Ли-2, на котором нас вывезли в Союз.

— Какие яркие воспоминания остались из детства?

— В военных гарнизонах, где мы жили, условия часто, как говорится, оставляли желать лучшего. Например, в Грязях у нас была одна комната. До сих пор помню, что в углу кирпичной стены была жуткая плесень. Зимой там образовывалась наледь, холод был собачий. Это, конечно, сказывалось на детском здоровье. У меня есть сестра, она на три года младше. В детстве мы с ней болели по очереди. Я болел, она болела. У сестры, когда ей было всего несколько месяцев, долго держалась субфебрильная температура. Мама говорила, что примерно полгода не могли понять причину, а в 5 лет у неё начались сильные боли, и обнаружили камни в почках. Видимо, было воспаление почек, но тогда никто определить не смог. У меня похожая ситуация. Стал терять зрение, пошли к местному врачу: «Так какие проблемы? Это у вас близорукость. Пейте рыбий жир, дышите воздухом, всё пройдёт».

И пока я пил рыбий жир, ослеп почти полностью. Когда приехали в Москву, в институте Гельмгольца вынесли вердикт: лечить уже нельзя, лишь стараться поддерживать остаточное зрение. Но жизнь в военных гарнизонах — это не только сложные условия и болезни. Поскольку часто переезжали, было интересно, где мы оказались, как

тут люди прежде жили, как живут сейчас, что откуда, почему тут взялось. И папа разбирался, и я в это вникал. У меня была ярко выраженная любознательность на этот счёт. Когда зрение ещё было не-плохое, очень много ездил на велосипеде, ходил на лыжах, особенно в Тамбове. При военном училище там был парк, наверное, высаженный ещё кавалеристами до Второй мировой. Изначально училище было кавалерийским, авиационным стало потом, перед войной. Курсанты, будущие лётчики, в этом парке прокладывали лыжню, тренировались. Это было прямо возле жилых домов, ну и мы, детвора, тоже по этой лыжне катались. Так здорово было! Плотная, гладкая. Иногда с курсантами наперегонки бегали, вот где можно было как следует разогнаться! Конечно, то, что я находился среди военных, детей военных, и всё, что связано с армией, особенно с авиацией, было на слуху, оказывало влияние на формирование моих интересов. Над головой регулярно взлетали и заходили на посадку самолёты — и боевые, и транспортные. С тяжёлым гулом. Особенно это было слышно ночью. И мой интерес к технике проявлялся уже тогда. Помню, как-то по центральной улице в Тамбовском гарнизоне ехали две машины-радиостанции. Очень красивые, трёхосные. Теперь понимаю, что это на базе ЗИЛ-157 такие фургоны. Мы с ребятами попросились, и нас пустили внутрь. Забрались в эти радиорубки, а там

узкие продольные окна, под ними оборудование. Я на полку залез и в окошко смотрел, а машина медленно ехала. До сих пор всё в деталях помню, настолько меня это тогда впечатлило. На этой же базе были пожарные машины. Очень красивые, и они тоже притягивали наше внимание. Но от них нас всё время прогонял какой-то злой младший сержант или старшина. Топал ногами — ну, пошли отсюда!

— В семье какие были правила, приоритеты, традиции?

— И папа, и мама у меня очень любили читать. У нас дома была богатая библиотека. Очень любили Чехова, Толстого. Папе нравились исторические книги, на полке стоял многотомник Ключевского, купленный у букинистов. Была остросюжетная литература. И папа, и мама много читали мне вслух, сам-то я читать уже не мог. Мной занимались, для родителей это было важно. Помню такой эпизод, это было ещё до школы, папа заболел. Он вообще-то редко дома оставался, а тут ему даже бюллетень выдали, и мы с ним стали читать Жюля Верна — «Пятнадцатилетнего капитана», «Двадцать тысяч лье под водой», «5 недель на воздушном шаре». Но читали не просто так, а взяли географический атлас и все маршруты сверяли по нему. «Дети капитана Гранта» — откуда они отправились, через какие местности проходили. Было интересно, познавательно, увлекательно. Благодаря этому, когда я пошёл учиться в школу, то хорошо ориентировался в географии. Ещё папа любил музеи, поэтому мы часто туда ходили. И мне это тоже нравилось. А дома придерживались классических традиционных ценностей, как было тогда принято: этикет,уважительные отношения между людьми. Всё это я впитывал, получал правильные ориентиры.

— В школу пошли учиться уже в Москве?

— Первый год я учился на Украине. Донецкая область, железнодорожная узловая станция «Никитовка», это недалеко от Горловки. Рядом со станцией был посёлок Гольма, там была девятилетка для слабовидящих. Вот туда я поступил в первый класс. Там, где служил папа, поблизости подходящих учебных заведений не было, а тут много маминой родни. Папа всё равно просил о переводе, и его перевели в Тамбов, а потом он добился, чтобы меня приняли учиться в школу слабовидящих в Москве. Так что во втором и третьем классах я учился уже в интернате № 2. Но поскольку зрение было настолько слабым, что я фактически не мог читать

обычные учебники и писать ручкой, офтальмологи настоятельно рекомендовали переходить в школу для слепых. Так я оказался в первом интернате. Директором тогда был Николай Александрович Рейханов. После него недолгое время был Михаил Герасимович Сабанин. А уже позже, после моего выпуска, директором стала Анна Ивановна Сизова, но мы всё равно много с ней общались. Она собрала много материалов по истории школы, создала уникальный школьный музей. Низкий поклон ей за это.

Особые слова благодарности я хочу выразить нашей школе. Уровень обучения и образования был настолько высок, что, учась потом в институте, мне иногда не нужно было готовиться к семинарам или коллоквиумам. Я знал материал даже в большем объёме, чем он был представлен в студенческих учебниках, так что мне довольно легко было отвечать.

Преподавательский состав был просто сильнейший. Такое стече-
ние обстоятельств вполне можно рассматривать как компенсацию
за слепоту. Михаил Иванович Толозов, Михаил Иванович Егоров, Ру-
фина Алексеевна Вершинина, Галина Петровна (маленькая), Галина
Петровна (большая). С Тинмичём (Валентином Дмитриевичем Кон-
дратьевым) мы долго дружили. Он думал сделать из меня вокалиста,
но душа у меня к этому не лежала. Меня больше тянуло к истории,
политике, а он пытался направить меня в искусство, в музыку. Но
мы всё равно хорошо друг друга понимали и общались до самых по-
следних его дней. Преподаватель истории Валентин Лаврентьевич
Шустов был очень значимым человеком в моей жизни: специалист,
наставник, старший друг, человек глубоко духовный. Я по сей день к
нему с трепетом отношусь. Он оказал значительное влияние на мои
взгляды и жизненные принципы, в частности на выбор вуза.

— С выбором вуза определились сразу?

— Я, конечно, хотел стать военным, но это было исключено. Меня привлекала военная история, но необходимость много работать с документами и картами меня смущала. Хотя теперь я знаю, что есть области, где можно обойтись без них, тогда ни я, ни мои партнёры этого не знали. Сначала я пытался поступить на истфак МГУ, но не прошёл по конкурсу: у меня было две четвёрки — за сочинение и по истории. Допускаю, что при большом конкурсе могли специально

«валить». Вопрос мне достался лёгкий — об итогах Второй мировой войны, это же моя тема. Конечно, я нормально отвечал, но экзаменаторы, молодые институтские преподаватели, посчитали иначе. В общем, я не прошёл по конкурсу. А на следующий год решил поступать в Институт культуры. Там книги, которые я очень любил, и программа была широкая: с одной стороны, филфак, с другой — истфак, и можно было получить хорошее образование.

На вступительных экзаменах было две тысячи абитуриентов, из них шестнадцать получили пятёрки за сочинение, включая меня. Одна из преподавательниц даже отметила, что у меня просматривается собственный журналистский стиль. На тот момент у меня уже были небольшие публикации в районной газете, так что можно было это представить. Остальные предметы я тоже сдал на пять. То есть у меня было двадцать пять из двадцати пяти, поэтому я прошёл, можно сказать, автоматически. В нашей 101-й группе было 30 студентов. Все окончили школу с медалями. У института была возможность отобрать таких сильных выпускников школ.

Учёба была очень интересной. Программа филфака по литературе, программа истфака по истории. Освоить в полном объёме и то, и другое было сложно, но, как говорили, кто хочет здесь учиться — выйдет универсалом, а кому тяжело — это его выбор.

Здесь вспомню ещё одного школьного учителя — Анатолия Викторовича Тимофеева, кандидата филологических наук, totally слепого. Он окончил МГУ, там же и защитился по Писемскому, и вёл у нас литературу. Он всё время подчёркивал, что мы, ребята, должны быть на голову выше своих товарищёй в вузе, тогда к нам будут тянуться, и к нам будет интерес. Я старался этого придерживаться, тем более что мы, слепые студенты, уже тогда жили, можно сказать, в условиях рынка труда. Если всем гарантировалось распределение, то нам могли предложить что-то только при условии проявления особых способностей, что могло заинтересовать потенциального работодателя и он рискнул бы связаться со специалистом-инвалидом. Это мы понимали ещё в школе, а в вузе тем более, поэтому старались учиться хорошо, и это вызывало уважение у окружающих ребят. С группой отношения складывались хорошие. Это был ценнейший результат правильных установок и ориентиров в жизни.

Было довольно много общественной работы. Многие от неё уворачивались, а я, наоборот, принимал участие. Поскольку любил историю и политику, часто выступал с лекциями. Шло строительство Олимпийского комплекса, и меня комитет комсомола отправлял читать лекции о международном положении. Я ездил, выступал перед рабочими, отвечал на вопросы.

С преподавателями мне тоже повезло. Анатолий Петрович Левандовский, Николай Вадимович Гармиза, Вадим Викторович Каргалов — это историки. Филолог, членкор Академии наук СССР Арнольд Исаевич Арнольдов. Мой научный руководитель по институту и по диссертации — Николай Николаевич Щерба. Хорошие отношения у меня были с преподавателем научного коммунизма Суреном Ашотовичем Саркисяном. Он был сотрудником Института международного рабочего движения, а у нас вёл научный коммунизм и был секретарём комитета комсомола. Он упорно настаивал на том, чтобы я обязательно защитил диссертацию. Рассказывал, какой у него был случай: «Написал я статью, приношу в журнал. Мне говорят, статья серьёзная и весомая. Но посмотри, ты же пишешь против доктора наук, а сам как подписываешься? Был бы хотя бы кандидат, всё было бы на уровне, но у тебя же даже кандидатской степени нет. Поэтому извини, но твою статью опубликовать не можем». Поэтому он настаивал, чтобы я обязательно защищился, и по жизни это оказалось полезно. Было несколько таких случаев, когда учёная степень в подписи материала имела решающее значение. И когда создавали «Реакомп», Александр Яковлевич Неумывакин и Валерий Александрович Балдыкин первым делом поинтересовались, есть ли у меня учёная степень. Вот это всё — школа и институт — как-то перекликалось, потому что, ещё раз отмечу, в школе была чудесная база, которую я мог использовать в институте, а в институте был интерес развиваться дальше.

— Когда в вашей жизни появилась тема электронно-вычислительной техники, компьютеров?

— Поскольку я обречён или на всю жизнь поражён Великой Отечественной войной, я всегда с большим интересом общаюсь с людьми того времени, слушаю их рассказы. Одним из таких людей был известный библиотековед, тифлолог, заслуженный работник культуры

России и Бурятии Дмитрий Сергеевич Жарков, светлая ему память. С 1967-го по 1985-й он руководил Российской центральной библиотекой для слепых (ныне РГБС). Тешу себя мыслью, что у нас был неплохой контакт с ним. Тогда я узнал от него, что он учился в военном училище и не попал на фронт, потому что у него открылся туберкулёт. Интересный был человек, неординарный. Не случайно они вдвоём с Зиминым продвигали многие новшества, в том числе электронную технику. Также в этом направлении активную работу вёл Вадим Александрович Усик. Начиная с советского периода, среди слепых всегда было много программистов, талантливых специалистов. Со временем они стали сталкиваться с вполне определённой проблемой. Раньше они работали с перфолентой, перфокартами. Теперь от бумаг стали отказываться, им на смену пришли мониторы. Проблему нужно было решать. Сначала купили оборудование, которое не было русифицировано. С его помощью можно было по Брайлю набрать текст, прочесть его на дисплее и всё. По большому счёту, бесполезная вещь. Но удалось решить вопрос с русификацией, и появилось оборудование, на котором можно было уже по-русски набирать информацию, читать её на дисплее и автоматически распечатать на принтере. То есть незрячий пользователь теперь имел возможность работать с интересующим его материалом самостоятельно: готовить курсовые работы, дипломные, работы переводчиков на русский язык, филологов, журналистов и так далее. Это был уже серьёзный шаг. В определённый момент мне было поручено Жарковым составить учебное пособие, на основе которого можно было бы организовать обучение по работе с этой техникой. Этот период совпал с переездом нашего отдела в здание Дома просвещения ВОС. Наряду с различными службами здесь был читальный зал и другие структурные подразделения, в которых функционировали отделы Центральной библиотеки, работавшие для слепых читателей. Под этим соусом было приобретено новое оборудование. До этого у нас был Braillex, а теперь закупили 11 «Версо Брайлей», четыре «Оптокона». Это было ещё более интересное оборудование. Я создавал к ним пособие, проводил обучение и так стал не только пропагандистом этой темы, но и преподавателем. Постепенно по инициативе ряда специалистов (особенно математиков-программистов), которые поддерживали

это движение, наш отдел перерос в компьютерный центр, и нам было поручено подумать о том, как расширить возможности труда и учёбы слепых на основе применения современной компьютерной техники. Тут оказалась очень полезной моя идея, которая пришла прямо из жизни. Мой ежедневный маршрут на работу и обратно проходил через верхнюю площадку станции метро «Павелецкая», между кольцевой и радиальной линиями. Тогда там находились кассы Аэрофлота, и я периодически слышал, как люди запрашивают необходимую информацию, получают ответы, оформляют билеты. И мне пришла в голову мысль: а почему бы не попробовать применить здесь нашу технику. Опуская бюрократические и организационные подробности, скажу, что удалось договориться на эксперимент в здании аэровокзала — в голосовой справке Аэрофлота. Сергей Новиков и Иван Васин стали первыми его участниками. Они подтвердили эффективность идеи, поэтому проектом удалось заинтересовать Московскую службу занятости. Там сначала отнеслись к нему с подозрением, но постепенно наши доводы возымели нужное действие, поскольку это были не какие-то теоретические умозаключения, а всё уже было реализовано на практике и подтверждалось наглядными примерами. Так появился Главный центр компьютерных технологий ВОС «Реинком». В начале нулевых на наших рабочих местах был, например, Александр Починок, на тот момент Министр труда и социального развития РФ, их показывали Владимиру Владимировичу Путину. На него это также произвело сильное впечатление. В общем, проект развивался. Параллельно с этим во Всероссийском обществе слепых назрела необходимость реорганизации Института повышения квалификации руководящих работников и специалистов ВОС. По лицензии в тот момент полагалось иметь профессорско-преподавательский состав с определённым количеством докторов наук, кандидатов, различные кафедры и так далее. Всё это институт уже не тянул, держать студентов по 9 месяцев возможности не было, как говорится, жила тонка стала. Вот мне и поручили продумать обновлённую концепцию института. Примерное представление о том, как это должно быть реализовано, у меня тогда уже было. Я работал на различных выставках, в том числе и международных, сравнивал с тем, что имелось у нас, и что мы можем ещё сделать. Новым был также подход: при приёме на

учёбу отдавать предпочтение людям с активной жизненной позицией, имеющим склонность генерировать креативные идеи в интересах незрячих людей и Всероссийского общества слепых в целом. Чтобы не дублировать элементы образовательного процесса, было бы целесообразнее принимать на учёбу людей с высшим или средним специальным образованием, в крайнем случае, студентов, отучившихся три курса, то есть у которых неоконченное высшее. А мы в свою очередь будем их учить той специфике, которую не дают другие вузы. Ну и возраст между 25 и 45 годами. Почему? Чтобы был запас времени для реализации багажа полученных знаний. Вот это было заложено с самого начала. Плюс мы присоединили сюда и компьютерные технологии. Ещё одним из условий новой концепции было отражение понятий реабилитация и компьютер в названии института, поэтому он и получил название «Реакомп».

— Каким образом переключаетесь с профессиональной деятельности? На что?

— Во-первых, слежу за развитием событий в мире. Так уж воспитан родителями и школой, что переживаю за нашу жизнь, за страну, поэтому слежу за новостями. Не хочу высокопарных слов, надеюсь, смысл вы понимаете. Второй важный момент — книга. Я уже говорил, что папа приучил меня ценить хорошую литературу, я очень люблю читать. С некоторых пор у меня всегда под рукой органайзер с флеш-картами. На них собраны аудиокниги в ЛКФ-формате под наши тифлофлешплееры. Так что я ношу с собой библиотеку на несколько тысяч книг. Обычно она у меня дома лежит, но в командировках или в отпуске — всегда со мной. Все флашки укомплектованы по темам. На первом листе, в верхнем ряду, — три, примерно по 150 книг каждая. Это советская классика 20—30-х годов. Ниже ещё три. Две посвящены истории ЧК и МУРа, милиции... Так сказать, борьбе со злом. И одна, на которой собраны различные путеводители, краеведческая литература и так далее. На следующем листе книги, посвящённые Великой Отечественной войне. А на третьем — русская классика, книги, посвящённые Белой эмиграции, нашей дипломатии в Германии, Франции, Польше, в странах, которые с нами граничили. В общем, 15 флашек ближе к этой теме. На каждом листе пятнадцать флашек,

а листов, по-моему, на данный момент заполнено восемь. Вот туда каждый вечер, когда есть время и душа свободна, я погружаюсь.

— Насколько знаю, помимо библиотеки, у вас много разных коллекций.

— Да. У меня коллекции монет, открыток, подборки газет и журналов, антикварные фотографии, альбомы, географические, военно-топографические карты, чертежи техники. Большая коллекция кинофильмов на DVD. Я старался собрать всё, что попадалось, вышедшее на экраны до 1945 года. Поэтому у меня есть советское, третьего рейха, Веймарской республики, польское довоенное, японское, французское, английское, американское, чехословацкое, финское кино. Очень интересно это смотреть, потому что это точка зрения противника, врага. То, как он это трактует. Всплывают нюансы, и картина событий в итоге получается более объективной. У меня также большая коллекция эстрады периода между 1897-м и 1945-м. Много фонодокументов. Их я тоже собирал, это тоже интересная история. Как зрячие работают с фотографией, так нам можно работать с фонодокументами, только найти их, мягко говоря, непросто. Совсем недавно был в музее Кржижановского. У них там большая экспозиция, посвящённая истории радиовещания. Со специалистами там пообщался. Все знают про фильм «Парад Победы» 24 июня 1945 года, цветной, на американской плёнке. А ведь был и радиорепортаж этого парада, который полностью вёл Левитан. А для незрячего человека — это самый настоящий тифлокомментарий. Вот бы этот радиорепортаж-то послушать, да ещё в исполнении Левитана... Так вот, ребята говорят, что материал покоробился, классическая техника читать не может, надо уже лазерные иглы, а лазерный аппарат такой стоит миллион долларов. Как говорится, без комментариев.

— Есть ли у вас какой-то девиз, кredo, которому вы следите в жизни?

— Мне очень нравится афоризм Сократа: кто хочет — ищет способ, кто не хочет — ищет причину.

От редакции. 22 января Сергей Николаевич отметил 70-летие. Коллектив редакции и читатели журнала сердечно поздравляют юбиляра, желают ему новых свершений на избранном пути, здоровья и благополучия.